

Я не был уверен, когда именно я начал осознавать. Это не было внезапно, как пробуждение. Это было больше похоже на сон. Сначала появилось чувство осязания: лицо, губы, нос. Затем я почувствовал другие вещи, как будто тело, но не тело. Я не мог пошевелиться.

Кажется, я спал. Я не знал, сколько прошло времени, и прошло ли оно вообще. Я осознавал и не осознавал.

Я существовал.

Может быть.

У меня были пальцы. Когда это произошло? Я согнул руку, движение получилось неловким и неуклюжим. Ноги у меня тоже были. Я пнул один раз, чтобы проверить мышцы, но движения были скованными, словно я находился в толстом эластичном мешке.

Я спал.

Было тепло или может быть звук. Но не тепло. Это не было теплом, но это было самое близкое сравнение, которое я мог сделать. Оно было вокруг меня, как завеса белого шума. И оно было внутри меня. Оно текло и перетекало, как вода, и я обнаружил, что, если уделять ему особое внимание, можно двигать его вперед и назад. Это было похоже на игру - толкать и тянуть тепло из груди в пальцы ног.

Но это было и утомительно.

Я так устал.

Я спал.

Мне стало легче двигаться. Я часто пинался и тянулся, ища в темноте хоть что-нибудь.

Но ничего не было. В конце концов я успокоился.

И уснул.

А потом я проснулся.

Тепло, которое до этого момента было приятным потоком, хлынуло, как прорвавшаяся плотина, и внезапная сила едва не ошпарила меня. Я потянулся к пустоте, а вокруг меня, как молния, полыхало тепло.

Я был взволнован.

Нет, в ужасе.

Я ударил ногой. Но тепло все еще пульсировало и потрескивало. Оно больше не вливалось в меня непрерывным потоком. Нет, оно текло вокруг меня. И внезапно мне захотелось спать.

Так устал.

И я уснул.

...

Мне стало холодно.

У меня были глаза. Конечно, у меня были глаза.

Но что-то было не так. Все было размыто.

Почему мне потребовалось столько времени, чтобы вспомнить, что я могу видеть?

И почему мне не пришло в голову открыть их, пока я находился там, где было тепло?

Здесь тоже было тепло, но оно было другим, не таким, как успокаивающее тепло, которое струилось в моем животе. Оно было другим, чужим. Оно струилось по моим рукам и шее. Странное ощущение.

Не естественное.

Мои мышцы тоже были странными. Я разгибал конечности и брыкался, но в этом теплом месте не было ни верха, ни низа, словно гравитация не властна надо мной.

Но здесь? Здесь все было по-другому.

Я даже не мог поднять голову. Я попытался произнести хоть слово, но губы были слишком пухлыми, а язык не помещался во рту.

Где-то плакал ребенок.

А я спал.

Когда я проснулся, вокруг меня стояли гиганты, монолитные существа, чьи очертания я едва мог разобрать. Они могли подхватить меня на руки и нести так, словно я ничего не весил.

Я закричал от ужаса, но снова услышал лишь крик ребенка.

Я остановился, чтобы прислушаться, и ребенок тоже.

И тут, наконец, до меня дошло.

После одной небольшой панической атаки и одного серьезного экзистенциального кризиса моей следующей задачей стало выяснение того, где именно я переродился. Это было нелегко, поскольку мое младенческое тело не хотело ничего кроме еды, сна и теплых объятий, что мешало сосредоточиться на чем-либо достаточно долго, чтобы действительно об этом думать. Я понял, что в утробе матери что-то пошло не так, потому что меня поместили в инкубатор. К моим рукам и шее было подсоединено несколько капельниц для подачи питательных веществ.

Я также смутно ощущал гигантов (взрослых), которые появлялись и исчезали. С каждым днем мое зрение становилось все четче, пока я не смог различать лица. На большинстве взрослых была очевидная униформа медперсонала, и все они были азиатского происхождения, хотя многие кто приходил ко мне были с просто дикой расцветкой волос.

Несмотря на смену состава, в первые несколько недель меня регулярно навещала небольшая группа людей. Это была, очевидно, семья: мать, отец и двое их детей. У них были классические японские черты лица: темные волосы и глаза, а также бледная кожа. Женщина была молодой, лет двадцати пяти, симпатичной, с доброй, грустной улыбкой. В руках у нее всегда был маленький сверток - ребенок. Второй ребенок тоже был маленьким, возможно, четырех или

пяти лет. У него были черные волосы до плеч и широкие умные глаза, которые с внимательным любопытством следили за малейшим моим движением. Мужчина был старше и с каменным лицом смотрел на меня.

После чуть более месяца пребывания в больнице именно они приехали за мной.

Жизнь вне инкубатора была... трудной.

Будучи младенцем, я не обладал большой подвижностью. Когда я пыталась поднять голову, у меня не хватало сил. Когда я пыталась пошевелить руками, они болтались, как лапша. Когда я попытался заговорить, мой язык оставался раздражающе невосприимчивым к моим потугам. У меня не было другой возможности общаться, кроме как плакать, чего моя гордость не позволяла, если только я не была в настоящем отчаянии. Меня ждали долгие часы сна и скуки, хотя это и позволяло мне наблюдать за окружающим миром.

Странно, но тепло, которое я заметил еще в утробе, было не только во мне. Оно было во всех. Когда кто-то входил в мою комнату, я чувствовал его раньше, чем видел или слышал. Ощущение было тусклым, как тепло от свечи, но если я концентрировался, то мог почувствовать их тепло и то, как оно струится по их телам. Если я очень, очень сильно концентрировался, то мог даже почувствовать их в коридорах и внизу, но ощущение было настолько слабым, что могло показаться, что это мое воображение. Я не мог экспериментировать слишком много, так как это неизбежно приводило меня к истощению.

Когда я не дремал и не пытался устроиться поудобнее в своем новом теле, я внимательно вслушивался в слова, произносимые вокруг, отчаянно пытаясь уловить звуки и собрать их в нечто, напоминающее связное слово или предложение. Мой мозг, еще технически младенческий, был похож на губку, впитывающую все. Родители пока не пытались активно учить меня чему-то, хотя мужчина иногда говорил "Ту-чан!". Папа говорил медленно и с преувеличенными движениями рта. Я пытался подражать ему, но ближе всего у меня получалось "Ха-Ха!", да и то не более чем пара резких выдохов. Женщина попыталась сказать "Каа-чан!". Мамочка. Но лучшее, что у меня получилось, - это "Хаа-Ха!" Несмотря на неудачную попытку, она засияла и что-то сказала мужчине, который улыбнулся, что резко контрастировало с его обычно стойким выражением лица.

Я делил детскую с другим ребенком, который оказался мальчиком. И, если моя догадка была верна, его звали Саске. Старшего мальчика звали Итачи, что было странно, но я предполагал, что есть люди, которые действительно увлекаются аниме, что подтвердилось, когда я заметил веер Учих на спине мальчика. Видимо, они тоже увлекались косплеем, но бывают судьбы и похуже, подумал я. Я также обратила внимание на свое имя, которое, судя по всему, было "Киё".

У Итачи была своя комната в конце коридора, но он почти всегда тяготел к нашей комнате, чтобы поиграть или вывести нас в сад, что было довольно опасно. Я не пробыл в больнице и недели, как простудился и был снова помещен в нее. Семья оставила меня там на ночь для наблюдения.

Там я и находился, когда это случилось.

Я резко проснулся, пронзительно закричав из-за рева монстра, что напугал меня посреди ночи, его гнев пронзил меня словно нож, погружая меня в ужас. Но пока я метался в кроватке, пытаясь прийти в себя от все не прекращающегося ужаса что не испытывал даже при перерождении. Рев становился все громче, снаружи доносились грохот и крики. Мой крик

оборвался, когда я беспомощно застыл в своей кровати. Я не мог пошевелиться. Я не мог дышать. Я не мог даже думать.

Все, что я мог делать - это лежать и ждать смерти.

В конце концов жуткое присутствие исчезло, исчезло настолько, что все это могло бы показаться сном, если бы не томительное чувство ужаса, висевшее в воздухе как густой туман. Я прождал так всю ночь, тихий, спокойный и одинокий, пока не пришла медсестра, чтобы проведать меня. Она была взволнована, ее широкие глаза окинули меня одним взглядом, после чего она кивнула и поспешила уйти.

Ее белая униформа, обычно безупречная, была испещрена красновато-коричневыми пятнами.

Я был очень, очень тихим.

С рассветом пришли мама и братья. Она окинула меня встревоженным взглядом и погладила по маленькому пучку волос. Итачи также взглянул с облегчением он нежно погладил меня по щеке в знак приветствия. Я хныкнул - первый звук, который я издал с тех пор, как это случилось, - и он выглядел грустным.

Они приходили ко мне каждый день в течение двух недель моего пребывания в больнице, пока моя простуда не прошла и медсестры не отправили меня домой. Итачи взял меня и маленького Саске на прогулку среди тяжело нагруженных повозок, которые волю гнали по улицам в неизвестном направлении. Уже одно это заставило меня насторожиться. Кто в наше время использует волов? Но это было не единственное, на что я обратил внимание, когда наконец-то смог осмотреться. Здания были странными, все кривые и со странными углами, с граффити и плакатами в самых труднодоступных местах. Создавалось впечатление, что строители были лишь мимолетно знакомы с архитектурными стилями, и многие из них выглядели так, будто все еще стоят благодаря силе надежд и мечтаний.

Мое замешательство переросло в беспокойство, но только когда Итачи завернул за угол и взору предстал памятник Хокаге, реальность смачно отвесила мне пинка.

О, нет.

Я переродился в мире Наруто.

В клане Учиха.

До резни.

И я был полностью...

-совершенно...

-абсолютно -

-раздавлен.

<http://tl.rulate.ru/book/65345/3502090>